

ПОСЛЕ ВЫПУСКА

Заметки о театре

Когда в 1944 году в связи с 40-летием со дня смерти А. П. Чехова театру гор. Таганрога было присвоено его имя, Государственный институт театрального искусства имени Луначарского направил в Таганрог целиком выпуск 1944 года. Это был один из «беспокойных» экспериментов института. Выдержат ли юные специалисты испытание, перейдя из условий учебных в условия производственные? Можно ли отдать театральную жизнь целого города группе молодежи? Возникшие сомнения разрешили сами выпускники, ответив на предложение комитета горячим энтузиазмом, верой в свои силы и готовностью идти на не изведанные ими трудности.

Прошло три года напряженного труда, и в 1947 году молодая труппа была вызвана в Москву на Всероссийский смотр театральной молодежи. Среди многочисленных одиночек, выступивших на смотре, молодая труппа предстала как художественный коллектив и показала два чеховских и два современных спектакля. Надо было видеть, какие толпы театральной молодежи собирались у чеховцев и сколько настоящей, здоровой зависти к счастливой судьбе одного из выпусков ГИТИС можно было прочесть в глазах этой молодежи.

Но «судьба» чеховцев в действительности хотя и была счастливой тем, что они с первых шагов полюбили город и области, отнюдь не была легкой и ровной.

Вместе с творческим ростом одних актеров вырастали трудности театра как целого организма. Подросшим, окрепшим становилось тесно в своей семье, хотелось выйти на театральные просторы, проверить свои силы. Как можно удержать товарища, если его тянет в путь? Однако каждый новый уход ставил театр перед новой трудностью: кем заменить ушедшего?

Какой же путь избрал театр имени Чехова для своего пополнения? Опираясь на свой личный опыт, чеховцы брали в свой театр выпускников различных театральных вузов, веруя в то, что, обеспечив каждого из них и полноценной работой и помощью старших, выпускники сохраняют театру дух молодости, творчества и энтузиазма.

Оправдала ли себя эта мера? Успешно ли вообще складывалась жизнь театра после смотра 1947 года? Об этом мало кто знает.

О коллективе — участнике Всесоюзного смотра 1947 года, состоящем и сегодня больше чем наполовину из молодых актеров, вспоминают лишь в дни, связанные с памятью А. П. Чехова. И только познанием жизни маленьких театров можно объяснить существующие ныне разговоры о том, что Таганрогский театр имени Чехова «умирает», потому что из него ушли такая-то и такой-то.

* * *

Встреча моя с Таганрогским театром имени Чехова состоялась весной этого года, как раз в то время, когда Всесоюзное совещание по преподаванию актерского мастерства обсуждало достоинства и недостатки современного театрального образования. Мне предстояло встретиться не только с немногочисленными и хорошо известными «основателями» чеховского театра, но и со многими

неизвестными выпускниками 1950, 1951 и 1952 годов.

Машина подошла к театру в момент «театрального разъезда». По блеску глаз, порозовевшим лицам, оживленному обмену мнениями нетрудно было понять, что чеховский театр и сейчас, как и раньше, не оставляет своего зрителя равнодушным. Не без опаски поискала я глазами афишу... «Олеко Дундич», «Настоящий человек», «Власть тьмы», «Иван Рыбаков», «Персональное дело», «Пигмалион», «Любовь Ани Березко» — вот о чем извещала сводная афиша театра. В репертуаре его не было тех пьес, без которых, по мнению иных руководителей, публику в театр не привлечь, и, несмотря на это, чеховский театр почти не знает пустующего зрительного зала; он больше привык к аншлагам.

Чем же отмечены лучшие спектакли театра? Свежестью и непосредственностью режиссерского прочтения и духовной щедростью актерской игры.

«Олеко Дундич» (постановка С. Лаврова, художник А. Устинов, Дундич — П. Будяк) — спектакль, прошедший уже более пятидесяти раз при переполненном зрительном зале, сыгран чеховцами, как звонкая песня — хвала отваге, не знающей преград, дружбе, не терпящей компромиссов, любви, исключительной измену. П. Будяк — Дундич не дает зрителю ни на минуту усомниться в том, что пафос его отваги не в качествах «сверхчеловека», а в охватившей его идее освобождения своего народа. Но успех спектакля таким, каким он задуман режиссером, не мог бы быть полным, если бы черты Дундича не жили в его юнаках — сербах и буденновцах. Ясность замысла определила удачу и здесь. Отличны фигуры Палича — В. Успенского, Мирко — А. Бочарова, Драгича — Д. Устинова, Усатого — Л. Волчкова, Карпушина — В. Гармашова, Горбуши — В. Карпашикова. Превосходен Ходжич — И. Колесников, эта антитеза Дундича.

Свежестью и своеобразием отмечен и толстовский спектакль «Власть тьмы» (постановка С. Лаврова), экономно и образно оформленный художником А. Устиновым. Театр поставил «Власть тьмы» как драму социальную, раскрывая вопиющие противоречия деревни конца прошлого века в простых человеческих характерах и судьбах. В спектакле же много актерских удач, как у представителей старшего поколения труппы (Матрена — Н. Троянова, Митрич — А. Серняев, Аким — Л. Гаврилов), так и у молодых (М. Пильчевская — Аксинья, А. Бочаров — Петр, К. Тузова — Акулина, В. Шагов — Никита).

Хорошо решен и спектакль «Персональное дело» (постановка Б. Потика). Борьба друзей Хлебникова за восстановление его в партии — это прежде всего страстный отпор советских людей «полудиновщине» как гнусному явлению, искажающему этические нормы нашего общества. И здесь много актерских удач (Хлебников — С. Лавров, Хлебникова — Е. Доброхотова, Марианна — Н. Попова, Дергачева — Н. Игнатьева, Быкова — А. Штынова, Малютина — М. Пильчевская и, наконец, «сам» Полудин в блестящем исполнении П. Будяка).

Много радости доставил таганрогскому зрителю и

поставленный молодым режиссером А. Гутьеррес спектакль «Пигмалион» Б. Шоу. Совершенная по форме пьеса Шоу, не нуждающаяся в каких-либо «заострениях» и «украшательствах», требовала бережного и тонкого отношения, чтобы засверкать перед зрителем и точными характеристиками, и нитересными положениями, и своеобразием юмора. И, вдоволь насмеявшись, щедро наградив артистов аплодисментами, зритель уходит со спектакля с чувством благодарности театру и с думами о том, что такое женская независимость, что такое судьба ученого в обществе, полном противоречий. Веселый, остроумный, с многими актерскими находками, темпераментно сыгранный «Пигмалион» — большая удача молодого режиссера А. Гутьеррес. В спектакле-ансамбле необходимо отметить работы В. Волкова — профессор Хиггинс и Л. Антониук — Элиза Дулитл.

Краткий обзор нынешнего состояния театра имени Чехова и напоминание об истории его возникновения представляются нам своевременными. Если в сороковых годах к выпуску актеров единым коллективом можно было отнестись как к единичному эксперименту, то сейчас нет оснований отказывать в доверии молодежи, способной ответить на культурные запросы зрителя.

А если всерьез говорить о дальнейшем развитии театральной науки, то вряд ли можно опираться только на практику внутринститутской педагогики. Плоды ее видней там, где молодежь в условиях производства предоставлена самостоятельному творчеству. А мы — увы! — ох, как нелюбопытны к нему, особенно, если оно за пределами Москвы. И это обидно, потому что историю развития национального театра, кроме бывших императорских театров, двигали и Синельников, и Соболевичев-Самарин, и Ростовцев, так же как сейчас двигают, кроме академических театров, сотни маленьких театров.

Из всего рассказанного мной о чеховском театре можно вывести заключение, что в жизни этого коллектива я не вижу недостатков. Нет! Слабости и недочеты есть и в художественной практике театра, есть и срывы морально-бытового порядка. О них и можно и нужно говорить, но как об отдельных недостатках.

В пору же, когда все громче раздаются голоса о создании новых, молодежных театров, хотелось бы привлечь внимание к «первичному» и уцелевшему, содержащему, на мой взгляд, много драгоценного опыта.

Но позвольте, скажет мне читатель, вы же сами говорите о многих ушедших, и это уже не тот коллектив, который был двенадцать лет тому назад. Нет! Это тот же коллектив, тот по своему духу, увлеченному и темпераментному отношению к своей профессии, своеобразно и одаренности труппы, репертуарно-художественным устремлениям. Это прежний театр, ибо в нем стремятся работать люди, близкие ему творчески, а не просто устраивающиеся на работу. А ушедшие на столичные и другие сцены не только с гордостью вписывают в свою биографию «начал в 1944 г. в Таганрогском театре имени Чехова», но только с благодарностью вспоминают свою театральную юность, но и мечтают в порядке гастролей сыграть одну из любимых ролей в «своем» театре. И не беда, что Таганрогский театр не сохранил до наших дней всех тех, кто начинал в его труппе. Без притока свежих сил всякий организм дряхлеет — это видно невооруженным глазом...

На этом можно было бы закончить рассказ об «истории выпуска 1944 года» и на основании счастливого опыта его говорить о полной оправданности подобного эксперимента. И хотя я абсолютно уверена в этом, я не могу не рассказать и еще об одном выпуске, судьба которого сложилась далеко не так счастливо, хотя условия работы и в том и в другом случае были одинаковы. Но об этом — в следующем письме.

В. МАРТЬЯНОВА.

Таганрог.